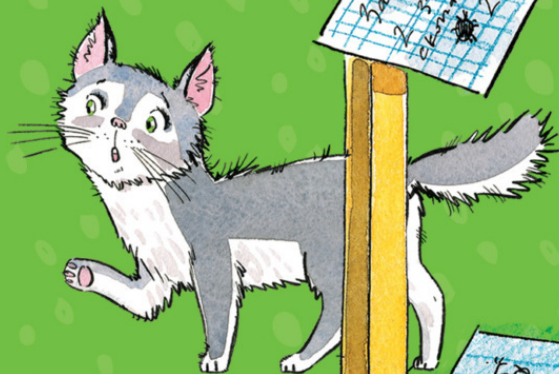

Лия Гераскина

В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

Яркая ленточка

Лия Гераскина

В стране невыученных уроков

«Азбука-Аттикус»

1965

УДК 821.161.1-312.9-93
ББК 84(2Рос=Рус)6

Гераскина Л. Б.

В стране невыученных уроков / Л. Б. Гераскина — «Азбука-Аттикус», 1965 — (Яркая ленточка)

ISBN 978-5-389-21370-8

Герой повести Витя Перестукин – ученик четвёртого класса, двоечник и лоботряс, делать уроки для него – сущее наказание. И вот в один из дней, когда Витя сидел за ненавистными учебниками, случилось с ним волшебное происшествие – чудесным образом он попал в Страну невыученных уроков. Тут-то мальчишке и пришлось встретиться с ошибками, которые он допускал, второпях готовя уроки. Что Вите оставалось делать? Конечно же исправлять свои ошибки! Иначе вернуться из этой волшебной страны ему не удастся...

УДК 821.161.1-312.9-93

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-389-21370-8

© Гераскина Л. Б., 1965

© Азбука-Аттикус, 1965

Лия Борисовна Гераскина

В стране невыученных уроков

© Гераскина Л. Б., наследники, 2022

© Бугославская Н. В., иллюстрации, 2022

© Оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2022
Machaon®

* * *

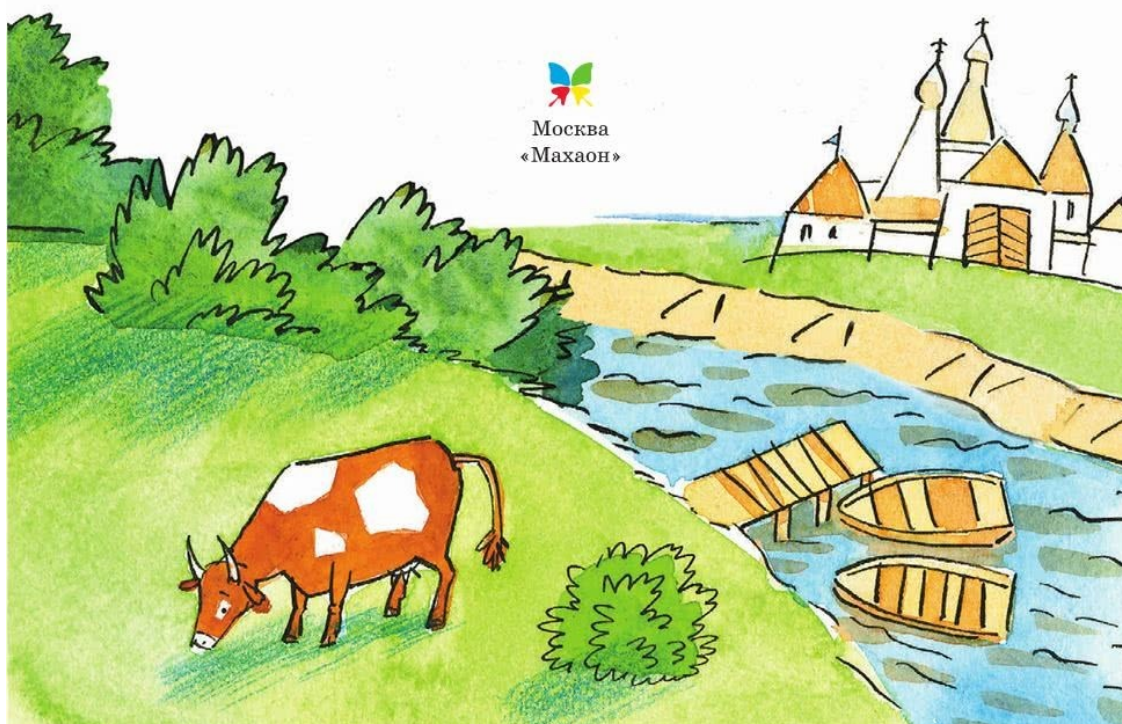

Лия Гераскина

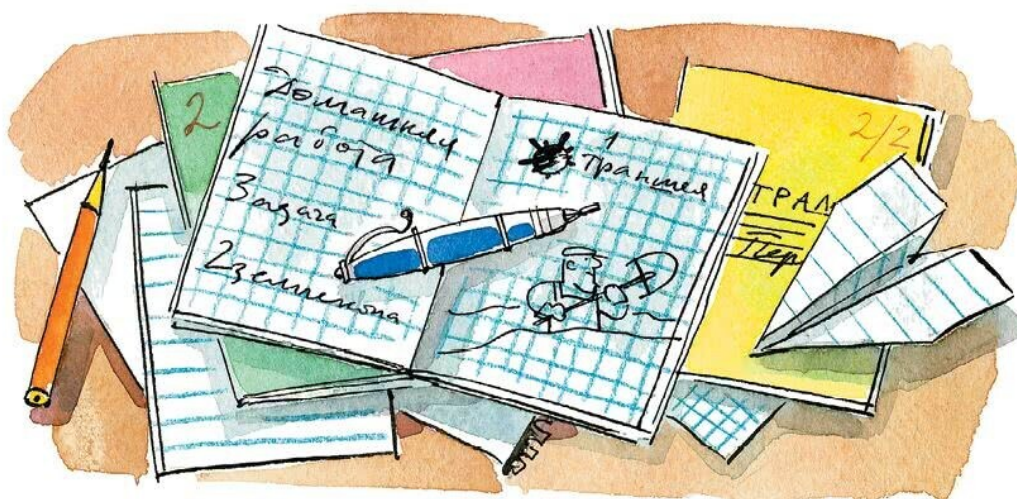
В СТРАНЕ НЕВЫУЧЕННЫХ УРОКОВ

(Волшебное происшествие)

Художник
Надежда Бугославская

В тот день, когда всё это началось, мне не везло с самого утра. У нас было пять уроков. И на каждом меня вызывали. И по каждому предмету я получил двойку. Всего пять двоек за день! Четыре двойки, наверное, я получил за то, что отвечал не так, как хотелось бы учителям. А вот пятую двойку поставили совсем несправедливо.

Даже смешно сказать, из-за чего мне вклеили эту несчастную двойку. За какой-то круговорот воды в природе.

Интересно, что бы вы ответили на такой вопрос учительницы:

– Куда девается вода, которая испаряется с поверхности озёр и рек, морей, океанов и луж?

Не знаю, что бы вы ответили, а мне ясно, что если вода испаряется, то её уже нет. Ведь не зря же говорят про человека, который вдруг куда-то скрылся: «Он испарился». Это значит – он исчез. Но Зоя Филипповна, наша учительница, почему-то стала придираться и задавать лишние вопросы.

– Куда исчезает вода? А может быть, она всё-таки не исчезает? Может, ты хорошенько подумаешь и ответишь как следует?

По-моему, я и так ответил как следует. Зоя Филипповна, конечно, со мной не согласилась. Я давно заметил, что учителя редко со мной соглашались. Есть у них такой отрицательный минус.

Кому охота спешить домой, если несёшь в портфеле целую кучу двоек? Мне, например, неохота. Потому я и шёл домой через час по столовой ложке. Но как медленно ни иди, а всё равно придёшь домой. Хорошо ещё, что папа в командировке. А то сразу бы начался разговор о том, что у меня нет характера. Об этом папа вспоминал всегда, как только я приносил двойку.

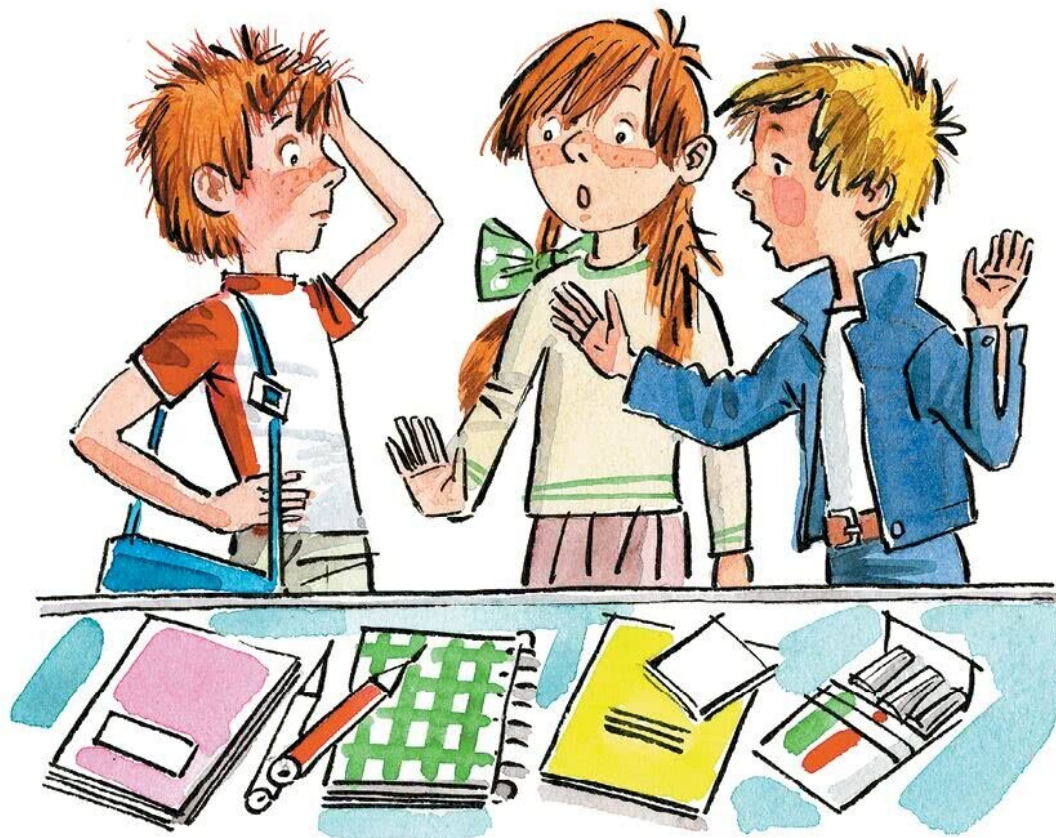
– И в кого ты такой? – удивлялся папа. – Совсем нет характера. Не можешь взять себя в руки и хорошо учиться.

– Воли у него нет, – добавляла мама и тоже удивлялась: – В кого бы это?

Мои родители имеют твёрдый характер и сильную волю, а вот я, оказывается, почему-то не имею. Поэтому-то я и не решился сразу притащиться домой с пятью двойками в портфеле.

Чтобы подольше тянуть время, я заходил по дороге во все магазины подряд. В книжном я встретил Люсю Карандашкину. Она моя соседка два раза: живёт в одном доме со мной, а в классе сидит позади меня. Нигде от неё нет покоя – ни в школе, ни дома. Люся уже успела пообедать и прибежала в магазин за тетрадями. Был здесь и Серёжа Петькин. Он пришёл узнать, не получены ли новые марки. Серёжа покупает марки и воображает себя филателистом. А по-моему, так собирать коллекцию марок может каждый дурак, если у него есть деньги.

Я не хотел встречаться с ребятами, но они меня заметили и сразу же стали обсуждать мои двойки. Конечно, они доказывали, что Зоя Филипповна поступила справедливо. А когда я их припёр к стенке, то вышло, что они тоже не знали, куда девается испарившаяся вода. Небось влепила бы им Зоя за это по двойке, они бы сразу запели другое.

Мы спорили, кажется, немного шумно. Продавщица предложила нам выйти из магазина. Я сейчас же ушёл, а ребята остались. Продавщица сразу догадалась, кто из нас лучше воспитан. А ведь завтра они будут рассказывать, что шум в магазине поднял я. Пожалуй, ещё разболтают, что я на прощание показал им язык. А что тут, спрашивается, плохого? Анна Сергеевна, наш школьный врач, нисколько на это не обижается, она даже сама просит, чтобы ребята показывали ей язык. А она-то знает, что хорошо, а что плохо.

Когда меня выставили из книжного магазина, я понял, что очень проголодался. Есть хотелось всё больше, а идти домой – всё меньше.

На пути оставался только один магазин. Неинтересный – хозяйственный. В нём противно пахло красками, мылом и керосином. Из него тоже пришлось уйти. Продавец три раза меня спросил:

– А что тебе здесь надо, мальчик?

Мама открыла дверь молча. Но это меня не порадовало. Я знал, что она сначала накормит меня, а потом...

Скрыть двойки было невозможно. Мама давно сказала, что читает в моих глазах всё, что я хочу от неё скрыть, в том числе и то, что написано в моём дневнике. Какой же смысл врать?

Я ел и старался не смотреть на маму. Думал, сможет ли она прочесть в моих глазах сразу про все пять двоек?

Кот Кузя спрыгнул с подоконника и завертелся у моих ног. Он очень меня любит и ласкается совсем не потому, что ждёт от меня что-нибудь вкусное. Кузя знает, что я пришёл из школы, а не из магазина, значит, ничего, кроме плохих отметок, принести не мог.

Я старался есть как можно медленней, но это не получалось, оттого что я сильно проголодался. Мама сидела напротив, смотрела на меня и ужасно молчала. Вот сейчас, когда я съем последнюю ложку компота, и начнётся...

Но раздался телефонный звонок. Ура! Звонила тётя Поля. Раньше чем через час она не отпустит маму от телефона.

– Немедленно садись за уроки! – приказала мама и взяла трубку. За уроки, когда я так устал! Хотелось хоть часок отдохнуть и поиграть во дворе с ребятами. Но мама зажала трубку рукой и сказала, что я могу прогулку по магазинам засчитать себе за отдых. Вот как она умеет читать по глазам! Боюсь, что она прочтёт и про двойки.

Пришлось уйти в свою комнату и засесть за уроки.

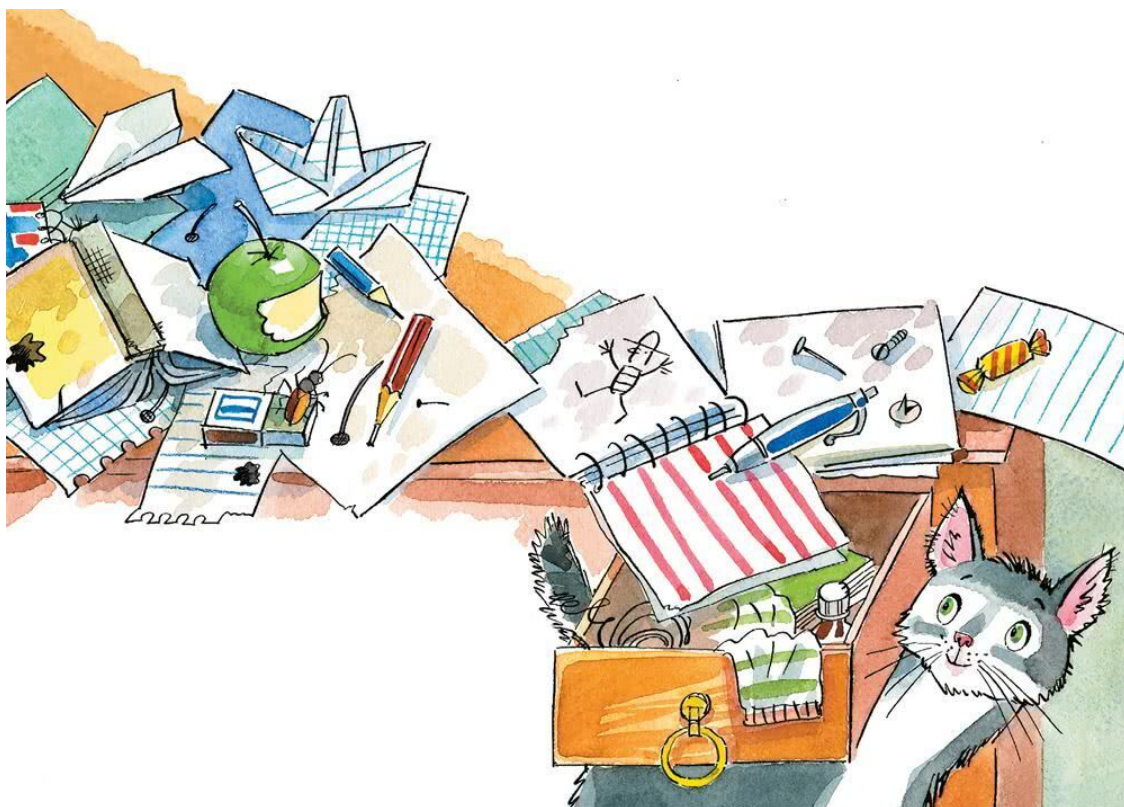
– Убери на своём столе! – крикнула вдогонку мама.

Легко сказать – убери! Я иногда просто удивляюсь, глядя на свой стол. Как много предметов на нём умещается! Тут рваные учебники и тетрадки в четыре листика, ручки, карандаши, линейки. Их, правда, теснят гвозди, шурупы, обрывки проволоки и другие нужные вещи. Вообще я очень люблю гвозди. Они у меня есть всех размеров и разной толщины. А мама почему-то их совсем не любит. Она много раз выбрасывала их, но они снова возвращаются на мой стол, как бумеранги. Мама сердится на меня за то, что я больше люблю гвозди, чем учебники. А кто виноват? Конечно, не я, а учебники. Не надо быть такими скучными.

На этот раз я управился с уборкой быстро. Выдвинул ящик стола и сгрёб туда все вещи. Скоро и удобно. И пыль сразу стирается. Теперь можно было приняться за уроки. Я раскрыл дневник, и передо мной замелькали двойки. Они были такие заметные потому, что их написали красными чернилами. По-моему, это неправильно. Зачем писать двойку красными чернилами? Ведь всё хорошее тоже отмечают красным. Например, праздники и воскресенья в календаре. Посмотришь на красную цифру – и радуешься. В школу ходить не надо. Пятёрку тоже можно

писать красными чернилами. А тройку, двойку и кол – только чёрными! Удивительно, как наши учителя сами не могут до этого додуматься!

Уроков, как нарочно, задали очень много. А день был солнечный, тёплый, и мальчишки во дворе гоняли мяч. Интересно, кто стоял вместо меня в воротах? Наверно, опять Сашка. Он давно метит на моё место у ворот. Это просто смешно. Все знают, какой он сапожник.

Кот Кузя устроился на подоконнике и оттуда, как с трибуны, следил за игрой. Кузька не пропускает ни одного матча, а папа и мама не верят, что он настоящий болельщик. И зря. Он даже любит слушать, когда я рассказываю о футболе. Не перебивает, не уходит, даже мурлычет. А кошки мурлычат только тогда, когда им приятно.

Мне задали правила по безударным гласным. Надо было их повторить. Я этого делать, конечно, не стал. Бесплезно повторять то, чего всё равно не знаешь. Потом надо было прочитать про этот самый круговорот воды в природе. Я вспомнил Зою Филипповну и решил лучше заняться арифметикой.

Тут тоже ничего приятного не было. Какие-то землекопы рыли, неизвестно для чего, какую-то траншею. Не успел выписать условия, как заговорил репродуктор. Можно было бы немножко отвлечься и послушать. Но чей голос я услышал? Голос нашей Зои Филипповны! Мало он в школе мне надоел! Она по радио давала советы ребятам, как надо готовиться к экзаменам, рассказывала, как это делает наша лучшая ученица Катя Пятёркина. Так как готовиться к экзаменам я не собирался, радио пришлось выключить.

Задача была очень трудная и бестолковая. Я уже почти стал догадываться, как её надо решить, но... в окно влетел футбольный мяч. Это ребята вызывали меня во двор. Я схватил мяч и хотел было вылезти через окно, но мамин голос догнал меня на подоконнике.

– Витя! Ты делаешь уроки? – кричала она из кухни. Там у неё что-то кипело и ворчалो на сковородке. Поэтому мама не могла прийти и выдать мне, что полагается за побег. Она почему-то очень не любила, когда я выходил через окно, а не через дверь. Хорош бы я был, если б мама вошла!

Я слез с подоконника, швырнул ребятам мяч и ответил маме, что делаю уроки.

Снова открыл задачник. Пять землекопов выкопали траншею в сто погонных метров за четыре дня... Что бы придумать для первого вопроса? Я уже начал было соображать, но мне снова помешали. В окно заглянула Люська Карандашкина. Одна косичка была у неё перевязана красной лентой, а другая – распущена. И это не только сегодня. У неё почти каждый день так. То правая косичка распущена, то левая. Лучше бы она больше внимания обращала на свою причёску, чем на чужие двойки, тем более что у неё и своих хватает. Люся сказала, что задача о землекопах такая трудная, что даже её бабушка не могла решить. Счастливая Люська! А у меня нет никакой бабушки.

– Давай решать вместе! – предложила Люська и через окно влезла в мою комнату. Я отказался. Ничего хорошего из этого бы не вышло. Лучше уж самому.

Снова стал рассуждать. Пять землекопов вырыли траншею в сто погонных метров. Погонных? Почему метры называются погонными? Кто их погоняет?

Я стал думать про это и сочинил скороговорку: «Погонщик в погонах погонял погонным метром...» Тут мама снова закричала из кухни. Я спохватился и стал сильно трясти головой, чтобы забыть о погонщике и погонах и вернуться к землекопам. Ну что мне с ними делать?

А хорошо бы погонщика назвать Паганелем?

– Ну а землекопы? Как с ними быть? Может, помножить их на метры?

– Не надо помножать, – возразила Люся, – всё равно ничего не узнаешь.

Назло ей я всё-таки помножил землекопов. Правда, ничего хорошего про них не узнал, но зато теперь можно было переходить ко второму вопросу. Тогда я решил разделить метры на землекопов.

– Не надо делить, – опять вмешалась Люся. – Я уже делила. Ничего не получается.

Конечно, я не послушал и разделил. Получилась такая ерунда, что я стал искать ответ в задачнике. Но, как назло, там была вырвана страница с ответом про землекопов. Пришлось всю ответственность взять целиком на себя. Я всё перерешил. Вышло, что работу должны были выполнять полтора землекопа. Почему полтора? Откуда я знаю! В конце концов какое мне дело, сколько землекопов рыли эту самую траншею? Кто теперь вообще роет землекопами? Взяли бы экскаватор и сразу бы покончили с траншеей. И работу бы скорей сделали, и школьникам бы голову не морочили. Ну как бы там ни было, а задача решена. Можно уже побежать к ребятам. И я, конечно, побежал бы, но меня остановила Люська.

- А когда мы будем учить стихи? – спросила она у меня.
- Какие стихи?
- Как какие? Забыл? А «Зима. Крестьянин торжествуя»? Я никак не могу их запомнить.
- Это потому, что они неинтересные, – сказал я. – Вот те стихи, что сочинили в нашем классе мальчишки, сразу запоминаются. Потому что интересные.

Люся новых стихов не знала. Я их прочёл ей на память:

– Нам учиться целый день
Лень, лень, лень.
Надоело!
Нам бы бегать и играть,
Мяч бы по полю гонять –
Это дело!

Люсе стихи так понравились, что она их сразу запомнила. Вдвоём мы быстро одолели «крестьянина». Я уже собирался потихоньку вылезти в окно, но Люся опять вспомнила, что мы ещё должны вставлять в слова пропущенные буквы. У меня даже зубы заныли от досады. Кому интересно делать бесполезную работу? Буквы в словах пропускают, как нарочно, самые трудные. По-моему, это нечестно. Как не хотелось, а вставлять пришлось.

П...друга дней моих суровых,
Г...лубка дряхлая моя.

Люся уверяет, что это стихотворение Пушкин написал своей няне. Это ей сказала бабушка. Неужели Карандашкина считает меня таким простачком? Так я и поверю, что у взрослых бывают няни. Просто бабушка посмеялась над ней, и всё.

Но как же быть с этой «п...другой»? Мы посоветовались и решили уже вставить букву «а», как вдруг в комнату ввалились Катя и Женьчик. Не знаю, почему им вздумалось припекаться. Я, во всяком случае, их не приглашал. Не хватало ещё, чтобы Катька отправилась на кухню и доложила моей маме, сколько двоек я сегодня нахватал. Ко мне и Люсе эти зубрили относятся свысока, потому что учатся лучше нас.

У Кати были выпученные круглые глаза и толстые косы. Этими косами она гордилась так, как будто их выдали ей за хорошую успеваемость и отличное поведение. Говорила Катя медленно, нараспев, всё делала с толком и никогда не спешила. А о Женьчике просто и рассказывать нечего. Он сам по себе почти и не говорил, а только повторял Катины слова. Женьчиком его звала бабушка, которая провожала его в школу, как маленького. Поэтому и мы все стали звать его Женьчиком. Только Катя звала его Евгением. Она любила всё делать правильно.

Катя поздоровалась, как будто мы с нею сегодня не виделись, и сказала, посмотрев на Люсю:

– Опять у тебя коса расплелась. Это неряшливо. Причешись.

Люся боднула головой. Она не любила причёсываться. Она не любила, когда ей делали замечания. Катя вздохнула. Женьчик тоже вздохнул. Катя покачала головой. Женьчик тоже покачал.

– Раз вы здесь оба, – сказала Катя, – мы вас двоих и подтянем.

– Подтягивайте скорей, – закричала Люся, – а то нам некогда. Мы ещё не все уроки сделали!

– А какой у вас ответ получился в задаче? – спросила Катя, точь-в-точь как Зоя Филипповна.

– Полтора землекопа, – ответил я нарочно очень грубо.

– Неправильно, – спокойно возразила Катя.

– Ну и пусть неправильно. Тебе-то что! – ответил я и сделал ей страшную гримасу.

Катя опять вздохнула и покачала головой. Женьчик, конечно, тоже.

– Ей больше всех надо! – выпалила Люська.

Катя поправила свои косы и медленно сказала:

– Пойдём, Евгений. Они ещё и грубят!

Женьчик рассердился, покраснел и самостоятельно выругал нас. Мы так этому удивились, что ничего ему не ответили. Катя сказала, что они сейчас же уйдут и от этого будет хуже только нам, так как мы останемся неподтянутыми.

- Прощайте, лодыри, – ласково сказала Катя.
- Прощайте, лодыри, – пискнул Женьчик.
- Попутный ветер в спину! – гаркнул я.
- До свидания, Пятёркины-Четвёркины! – пропела смешным голосом Люська.

Это было, конечно, не совсем вежливо. Ведь они были у меня в доме. Почти в гостях. Вежливо-невежливо, а я их всё-таки выставил. Да и Люська убежала вслед за ними.

Я остался один. Просто удивительно, до чего не хотелось делать уроки! Конечно, если бы у меня была сильная воля, я взял бы, назло себе, и сделал. Вот у Кати небось сильная воля. Надо будет помириться с нею и спросить, как она её приобрела. Папа говорит, что каждый человек может выработать волю и характер, если он борется с трудностями и презирает опасности. Ну а с чем мне бороться? Папа говорит – с ленью. Но разве лень – трудность? А вот опасность я бы с удовольствием презирал, да только где её возьмёшь?

Я был очень несчастным. Что такое несчастье? По-моему, когда человека заставляют силой делать то, что ему совсем не хочется, это и есть несчастье.

За окном кричали мальчишки. Солнце светило очень сильно, пахло сиренью. Меня тянуло выпрыгнуть в окно и побежать к ребятам. Но на столе лежали мои учебники. Они были изорванные, залитые чернилами, грязные и ужасно скучные. Но они были очень сильными. Они держали меня в душной комнате, заставляли решать задачу про каких-то допотопных землекопов, вставлять пропущенные буквы, повторять никому не нужные правила и делать многое другое, что мне было совсем неинтересно. Я так вдруг возненавидел свои учебники, что схватил их со стола и что было сил швырнул на пол.

- Пропадите вы пропадом! Надоели! – закричал я не своим голосом.

Раздался такой грохот, словно с высокого дома на мостовую упали сорок тысяч железных бочек. Кузя метнулся с подоконника и прижался к моим ногам. Стало темно, как будто потухло солнце. А ведь оно только что светило. Потом комната озарилась зеленоватым светом, и я заметил каких-то странных человечков. На них были балахоны из покрытой кляксами мятой бумаги. У одного на груди чернело очень знакомое пятно с ручками, ножками и рожками. Точно такие же ножки-ручки я пририсовывал кляксе, которую посадил на обложку учебника географии.

Человечки молча стояли вокруг стола и сердито на меня смотрели. Надо было что-то немедленно делать. Поэтому я вежливо спросил:

- А кто вы такие будете?
- Ты присмотришься внимательней, может быть, и узнаешь, – ответил человечек с кляксой.

– Он не привык глядеть на нас внимательно запятая – гневно сказал другой человек и пригрозил мне пальчиком, выпачканным чернилами.

Я всё понял. Это были мои учебники. Они почему-то ожили и явились ко мне в гости. Если бы вы слышали, как они меня упрекали!

– Ни под каким градусом широты и долготы никто и нигде на земном шаре так не обращается с учебниками, как ты! – кричала География.

– Ты обливаешь нас чернилами восклицательный знак Ты рисуешь на наших страницах всякую ерунду восклицательный знак – надрывалась Грамматика.

– Почему вы так напали на меня? Разве Серёжа Петькин или Люся Карандашкина учатся лучше?

– Пять двоек! – крикнули хором учебники.

– Но ведь я сегодня приготовил уроки!

– Сегодня ты неправильно решил задачу!

– Не усвоил географические зоны!

– Не понял круговорота воды в природе!

Больше всех кипятилась Грамматика:

– Сегодня ты не повторил безударных гласных восклицательный знак Не знать родного языка тире позор запятая несчастье запятая преступление восклицательный знак.

Терпеть не могу, когда на меня кричат. Тем более хором. Обижаюсь. Вот и сейчас я очень обиделся и ответил, что как-нибудь проживу и без безударных гласных, и без умения решать задачи, и тем более без этого самого круговорота.

Тут мои учебники онемели. Они смотрели на меня с таким ужасом, как будто я в их присутствии нагрубил директору школы. Потом они стали шептаться и решили, что меня нужно немедленно, как вы думаете что? Наказать? Ничего подобного! Спаси! Чудаки! От чего, спрашивается, спасти?

География сказала, что лучше всего отправить меня в Страну невыученных уроков. Человечки сразу же с нею согласились.

– А есть ли в этой стране трудности и опасности? – спросил я.

– Сколько угодно, – ответила География.

– Всё путешествие состоит из трудностей. Это ясно, как дважды два – четыре, – прибавила Арифметика.

– Каждый шаг там грозит опасностью для жизни восклицательный знак – старалась припугнуть меня Грамматика.

Об этом стоило подумать. Ведь там не будет ни папы, ни мамы, ни Зои Филипповны.

Никто не станет каждую минуту останавливать меня и кричать: «Не ходи! Не бегай! Не прыгай! Не подглядывай! Не подсказывай! Не вертись на парте!» И ещё с десятков разных «не», которых я терпеть не могу.

Может, как раз в этом путешествии мне удастся развить волю и приобрести характер. Вернусь оттуда с характером – вот папа удивится!

– А может быть, мы придумаем для него что-нибудь другое? – спросила География.

– Не надо мне другого! – закричал я. – Так и быть. Отправляюсь в эту вашу опасную трудную страну.

Я хотел было спросить их, а удастся ли мне закалить там волю и приобрести характер настолько, чтобы я мог сам добровольно делать уроки. Но не спросил. Постеснялся.

– Решено! – сказала География.

– Ответ правильный. Перерешать не будем, – добавила Арифметика.

– Отправляйся немедленно точка – закончила Грамматика.

– Ладно, – сказал я как можно вежливей. – Но только как это сделать? Поезда, наверно, в эту страну не ходят, самолёты не летают, пароходы не плывут.

– Мы поступим так запятая – сказала Грамматика, – как всегда поступали в русских народных сказках точка Возьмём клубок многоточие.

Но клубка у нас никакого не было. Мама не умела вязать.

– Есть ли у вас в доме что-нибудь шарообразное? – спросила Арифметика, и, так как я не понял, что такое шарообразное, она объяснила: – Это всё равно что круглое.

Круглое! Я вспомнил, что тётя Поля подарила мне в день рождения глобус. Я и предложил этот глобус. Правда, он на подставке, но ведь её отодрать нетрудно. География почему-то обиделась, замахала ручками и закричала, что она не позволит! Что глобус – великое наглядное пособие! Ну и всякое такое прочее, что совсем не шло к делу.

В это время в окно влетел футбольный мяч. Оказывается, он тоже шарообразный. Все согласились засчитать его за клубок.

Мяч будет моим проводником. Я должен идти за ним и не отставать. А если потеряю его, то не смогу вернуться домой и навсегда останусь в Стране невыученных уроков.

После того как меня поставили в такую колониальную зависимость от мяча, этот шарообразный сам собой вспрыгнул на подоконник. Я полез за ним, а Кузя за мной.

– Назад! – крикнул я коту, но он не послушался.

– Я пойду с тобой, – заявил мой кот человеческим русским голосом.

– Теперь в путь восклицательный знак – сказала Грамматика. – Повторяй за мной восклицательный знак

– Ты лети, футбольный мяч,
Не вприпрыжку и не вскачь,
Не сбивайся на пути,
Прямо в ту страну лети,

Где живут ошибки Вити,
Чтобы он среди событий,
Полных страха и тревог,
Сам себе помочь бы смог.

Я повторил стихи, мяч сорвался с подоконника, вылетел из окна, а за ним полетели и мы с Кузей.

География помахала мне на прощание рукой и крикнула:

– Если тебе придётся очень уж плохо, зови меня на помощь. Так и быть, выручу!

Мы с Кузей быстро поднялись в воздух, а мяч летел перед нами. Вниз я не смотрел. Боялся – голова закружится. Чтобы не было очень страшно, я не сводил глаз с мяча. Долго ли мы летели – не знаю. Не хочу врать. В небе светило солнце, а мы с Кузей неслись за мячом, как будто были привязаны к нему верёвочкой и он тащил нас на буксире.

Наконец мяч стал снижаться, и мы опустились на лесную дорогу. Мяч катился, перепрыгивая через пни и поваленные деревья. Он не давал нам никакой передышки. Опять не могу сказать, сколько времени мы шли. Солнце ни разу не закатывалось. Поэтому можно подумать, что мы шли всего один день. Но кто знает, закатывается ли вообще солнце в этой неизвестной стране.

Как хорошо, что Кузя увязался со мной! Как хорошо, что он стал разговаривать, как человек! Мы с ним болтали всю дорогу. Мне, правда, не очень нравилось, что он слишком много рассказывал о своих приключениях: он любил охотиться за мышами и ненавидел собак. Обожал сырое мясо и сырую рыбу. Поэтому больше всего он болтал о собаках, мышах и еде. Всё же он был малообразованным котом. Оказалось, в футболе он ровным счётом ничего не понимал, а смотрел потому, что вообще любит наблюдать за всем, что движется. Это ему напоминает охоту на мышей. Значит, слушал он про футбол только из вежливости.

Мы шли по лесной тропинке. Вдали показался высокий холм. Мяч обогнул его и скрылся. Мы очень испугались и бросились вдогонку за ним. За холмом мы увидели большой замок с высокими воротами и каменным забором. Я присмотрелся к забору и заметил, что он состоит из огромных переплетающихся букв.

У моего папы есть серебряный портсигар. На нём вырезаны две переплетённые буквы – Д и П. Папа объяснил, что это называется вензелем. Так вот этот забор и был сплошным вензелем. Мне даже кажется, что он был и не каменный, а из какого-то другого материала.

На воротах замка висел замок килограммов в сорок весом. По обеим сторонам входа стояли два странных человечка. Один согнулся так, что казалось, будто он разглядывает свои колени, а другой был прям как палка.

Согнутый держал огромную ручку, а прямой – такой же карандаш. Они стояли неподвижно, словно неживые. Я подошёл поближе и потрогал согнутого пальцем. Он не пошевелился. Кузя обнюхал их обоих и заявил, что, по его мнению, они всё-таки живые, хотя человеком от них не пахнет. Мы с Кузей называли их Крючок и Палка. Наш мяч рвался в ворота.

Я подошёл к ним и хотел попробовать толкнуть замок. А вдруг он не заперт? Крючок и Палка скрестили ручку и карандаш и преградили мне дорогу.

– А ты кто? – отрывисто спросил Крючок.

А Палка, как будто его толкнули под бока, закричал во весь голос:

– Ох! Ах! Ох, ох! Ах, ах!

Вежливо ответил, что я ученик четвёртого класса. Крючок покрутил головкой. Палка разохался так, как будто я сказал что-то очень нехорошее. Потом Крючок покосился на Кузю и спросил:

– А ты, который с хвостом, тоже ученик?

Кузя сконфузился и промолчал.

– Это кот, – объяснил я Крючку, – он животное. А животные имеют право не учиться.

– Имя? Фамилия? – допрашивал Крючок.

– Перестукин Виктор, – ответил я, как на переключке.

Если бы вы видели, что стало с Палкой!

– Ох! Ах! Увы! Тот! Самый! Ох! Ах! Увы! – без передышки выкрикивал он минут пятнадцать подряд.

Мне это здорово надоело. Мяч привёл нас в Страну невыученных уроков. Почему же мы должны стоять у её ворот и отвечать на дурацкие вопросы? Я потребовал, чтобы мне немедленно дали ключ отпереть замок. Мяч шевельнулся. Я понял, что действую правильно.

Палка подал мне громадный ключ и закричал:

– Открывай! Открывай! Открывай!

Я вставил ключ и хотел его повернуть, но не тут-то было. Ключ не поворачивался. Стало ясно, что надо мной смеются.

Крючок спросил, не сумею ли я написать правильно слова: «замочек» и «ключик». Если сумею, ключ тут же отопрёт замок. Отчего же не суметь! Подумаешь, хитрость какая! Неизвестно откуда появилась классная доска и повисла над самым моим носом прямо в воздухе.

– Пиши! – крикнул Палка и подал мне мел.

Я сразу написал: ключ... и остановился.

– Пиши! Дальше! – приказал Палка.

Хорошо ему было кричать, а если я не знаю, что писать дальше: ЧИК или ЧЕК? Как правильно: клюЧИК или клюЧЕК? То же самое было и с замочком. ЗамоЧИК или замоЧЕК? Было над чем подумать!

Есть же какое-то правило... А какие правила грамматики я вообще знаю? Стал припоминать. Кажется, после шипящих не пишется... Но при чём тут шипящие? Они сюда никак не подходят.

Кузя посоветовал писать наобум. Если напишешь неправильно, потом исправишь. А так разве можно угадать? Это был толковый совет. Я уже собирался так и сделать, но Палка закричал:

– Нельзя! Неуч! Невежда! Увы! Пиши! Сразу! Правильно! – Почему-то он ничего не говорил спокойно, а только всё выкрикивал.

Я сел на землю и стал вспоминать. Кузя всё время вертелся возле меня и часто задевал своим хвостом по лицу. Я прикрикнул на него. Кузя обиделся.

– Зря расселся, – сказал Кузя, – всё равно не вспомнишь.

Но я вспомнил. Назло ему вспомнил! Пожалуй, это было единственное правило, которое я знал. Вот уж не думал, что оно когда-нибудь мне так здорово пригодится!

– Если в родительном падеже в конце слова выпадает гласная, то пишется ЧЕК, а если не выпадает, пишется ЧИК.

Это нетрудно проверить: именительный – замоЧЕК, родительный – замоЧКА. Ага! Буква выпала. Значит, правильно – замоЧЕК. Теперь совсем легко проверить и «ключик». Именительный – клюЧИК, родительный – клюЧИКА. Гласная остаётся на месте. Значит, надо писать «клюЧИК».

Палка захлопал в ладоши и закричал:

– Чудесно! Прелестно! Восхитительно! Ура!

Я крупными буквами смело написал на доске: ЗАМОЧЕК, КЛЮЧИК. Потом легко повернул ключ в замке, и ворота распахнулись. Мяч покатился вперёд, и мы с Кузей пошли за ним. Палка и Крючок поплелись сзади.

Мы прошли по высоким пустым комнатам и очутились в огромном зале. Здесь кто-то крупно написал красивым почерком прямо на стенах правила грамматики. Путешествие наше начиналось очень удачно. Я легко вспомнил правило и открыл замок! Если всё время будут встречаться только такие трудности, мне и делать тут нечего...

В глубине зала на высоком стуле сидел старик с белыми волосами и белой бородой. Если бы он держал в руках маленькую ёлочку, его можно было принять за деда-мороза. Белый плащ старика был вышит блестящим чёрным шёлком. Когда я хорошенько рассмотрел тот плащ, то увидел, что он весь вышит знаками препинания.

Возле старика вертелась сгорбленная старушка со злыми красными глазками. Она всё что-то шептала ему на ухо и показывала на меня пальцем. Старуха нам не понравилась сразу. Кузе она напомнила бабушку Люси Карандашкиной, которая часто била его веником за то, что он воровал у неё сосиски.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.